ОТЗЫВ официального оппонента

на диссертацию Кометчикова Игоря Вячеславовича «Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг.», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 Отечественная история

Диссертационное исследование И. В. Кометчикова выполнено на традиционно актуальную в российской и зарубежной историографии тему. В ней реализована попытка основанного на разнообразном и достоверном источниковом материале анализа контактов сельских жителей с представителями власти в ряде сфер их повседневной жизни. В этом состоит научная новизна данного исследования. Также она в использовании автором оригинальной методологии в рамках концепции, предложенной научному сообществу М. А. Безниным и Т. М. Димони, не признанной большинством исследователей (*Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014).

В четырех главах диссертации охарактеризованы взаимоотношения сельских жителей с властными органами разных уровней и их представителями в рассматриваемый период в выбранных для анализа сферах: хозяйственной, политической, культурной и религиозной. Наибольшее внимание уделено хозяйственной сфере (с. 83–209), наименьшее – культурной (с. 303–381).

Учитывая нетрадиционный для работ российских и зарубежных специалистов, посвященных изучению истории советской деревни, стиль и терминологию исследования, представляется целесообразным рассмотреть и оценить прежде всего содержательную сторону данной диссертации и аргументацию вынесенных на защиту положений.

В диссертации дан развернутый анализ историографии проблемы с акцентом на западную историософию, что возможно при условии использования действительно значимых работ по ее теме. Но непонятно, почему в таком случае проигнорированы труды западных ученых, создавших

целое направление аграрных исследований – крестьяноведение? Причем оно получило развитие и в России: в творческой деятельности В. П. Данилова[1] и его коллег, включая официальных оппонентов соискателя, опубликовавших очерки селений, где проблема взаимоотношений крестьян и власти была центральной[2].

Здесь же следовало бы упомянуть и труды А. В. Чаянова – создателя теории трудового семейного крестьянского хозяйства, которая многое объясняет, почему в рассматриваемый в диссертации период крестьяне «жили козами и огородами» на своем ЛПХ[3].

Для автора были бы полезны и труды японских исследователей, выполненных в рамках совместного с российскими коллегами международного проекта по изучению истории сельской России XX века, участниками которого также являются официальные оппоненты диссертанта (В. В. Кондрашин, И. Е. Кознова)[4].

В этом же ряду не охарактеризованная концепция «морально-политического единства» крестьян и власти в изучаемый период (с. 64).

В историографическом обзоре не показана иерархическая ценность приведенных работ. В частности, хотелось бы видеть более глубокий анализ исследований В. П. Попова, О. М. Вербицкой, В. Н. Томилина, включая их новейшие публикации[5].

---

[1] См.: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований селений России. М., 2002; Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015; *Кондрашин В. В.* Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М., 2024.

[2] См.: *Кондрашин В. В.* История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 1997. М., 1997. С. 176–216.

[3] См.: *Никулин А. М.* Школа Чаянова. Утопия и сельское развитие. М., 2020.

[4] См. напр.: *Нориаки Мацуи.* В поисках уставов колхозов 1956 г. (заметки исследователя) // Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». CIRJE Research Report Series. CIRJE-R-2. Токио, 2005. С. 314–325 и др.; Кознова И. Исторические перемены в России и трансформация крестьянского сознания в XX веке // Там же. Выпуск 2. CIRJE Research Report Series. CIRJE-R-2. Токио, 2012. С. 1–32.

[5] См. напр.: *Томилин В. Н.* Государство и колхозы 1946–1964 гг. М., 2021.

Заслуживает высокой оценки использованная автором источниковая база исследования. Это 24 фонда 5 центральных архивов (ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ, РГАНИ, РГАЛИ) и 71 фонд 12 областных архивов. Наряду с ними, это очень важные для раскрытия темы диссертации документы личного происхождения: письма сельских жителей во властные органы, мемуары. Однако, вызывает сожаление, что автор не уделил внимания документам районных архивов, где отложились ценнейшие по теме диссертации источники – протоколы собраний сельсоветов, колхозных собраний и др. То есть, при работе над диссертацией он не опустился с областного уровня архивов до районного.

В рецензируемом тексте диссертации нет заявленной автором характеристики его методики работы с источниками (с. 79), их критики: оценки достоверности, иерархической значимости в освещении проблемы и т.д. Совершенно неподтвепрженным материалом диссертации является его утверждение о многочисленных случаях фальсификации статотчетности. Не раскрыта суть принципа работы автора с документами – «горизонтальный просмотр источников». Не дана критика документов Тверского обкома КПРФ на тему диссертации. Имеются ли подобные документы в фондах других современных политических партий?

Дискуссионной, на наш взгляд, является методология автора исследования, понятийный аппарат диссертации, стиль изложения материала, основанные на избранной концепции. Безусловно, он имеет полное право на свое видение проблемы, ее концептуальное осмысление. Точно также имеют право на критику и оппоненты, одним из которых в данном случаю является официальный оппонент. Ее цель – уточнение позиции автора по концептуальным подходам в целом и конкретным аспектам диссертационного исследования в частности.

Если изложить суть концептуального подхода автора диссертации к рассматриваемой проблеме, то она заключается, на наш взгляд, в том, что

история советской деревни – это антагонистическое противостояние сельского населения и власти. Первое стремится ослабить контроль власти над его повседневной жизнью, поэтому вся его жизнь – это каждодневное преодоление контроля власти, приспособление к ее действиям, ее обман, неповиновение ей. Сама власть антагонистична, изначально враждебна сельскому социуму (с. 77). И получается, что история советской деревни – это преодоление контроля сельского социума и борьба с этим контролем. Так ли это?

Почему автор так уверенно базируется на парадигме антагонистического аграрного строя в первые послевоенные десятилетия? Неужели действительно было лишь одно противостояние в повседневной жизни колхозников и рабочих совхозов с властью, и они каждый день преодолевали ее контроль? Может быть, не стоит так жестко заявлять об антагонизме именно в рассматриваемый период, ведь реально, на наш взгляд, он если и был, то только в годы насильственной коллективизации? А в годы Великой Отечественной войны крестьяне тоже противостояли власти ежедневно? А представители власти, неужели только и думали каждый день о том, как бы еще больше установить контроль над деревней? Что, все председатели желали только зла колхозникам и думали, как «протобуржуазия», исключительно о своем интересе, «жирок» в виде капитализации колхозного имущества наращивали? Особенно после войны, когда всем было очень тяжело? Между тем, автор пишет: «Снизу» же номенклатурные принципы комплектования председательского корпуса виделись основанием неформальных отношений в среде местной «знати», враждебных «интересам тружеников» (с. 256). Почему именно враждебных?

На уровне микроистории, это не подтверждается, ибо был феномен председателей-фронтовиков, поднявших свои разоренные деревни до уровня колхозов-миллионеров. Это Кирилл Орловский, образ которого гениально воспроизвел на экране Михаил Ульянов в культовом советском фильме

«Председатель», и многие другие, в том числе такой же фронтовик, Виктор Казанкин – председатель колхоза «Красная Звезда» Новобурасского района Саратовской области, описанный в опубликованном нами очерке в журнале «Крестьяноведение», вышеупомянутом. Вся история передовых колхозов-миллионеров против теории антагонистического противостояния «протобуржуазии» и вышестоящего начальства и простых тружеников села в рассматриваемый в диссертации период.

В структуре диссертации выстроена иерархия каждодневного взаимодействия сельского социума с властью, но почему в ней нет таких важнейших и повседневных забот крестьян, как школа, техникум, вуз, фельдшерский пункт, больница (с. 79)? Неужели по этим проблемам не было никакого взаимодействия? А, между тем, еще крестьянские наказы в Первую и Вторую государственную думу показали, что после земли вторым требованием крестьян к власти был доступ к образованию. Да и проблема здоровья не была последней в иерархии повседневных забот. Но этот аспект взаимоотношения власти и сельского социума в диссертации опущен. Почему? Может быть, потому что здесь не было никакого антагонизма, а если так, то не совсем убедительна и вся авторская концепция о контроле и антагонизме как определяющих факторах в повседневных отношений крестьяне и власти региона и всей страны в послевоенный период? Вряд ли крестьяне противились контролю власти над ними в вопросах образования и здравоохранения, и в этом вопросе был у них антагонизм с властью.

Также из поля зрения автора выпали такие аспекты повседневности крестьян, которые не могли не вызывать у власти желания их «контролировать», как семейные отношения, поколенческий аспект (сельский комсомол и сельская пионерия).

Все эти аспекты следовало оговорить автору, так как они не стали предметом его интереса. Также он мог бы дать временное описание, график повседневной «рутины» крестьянской семьи: подъем, прием пищи, выход на

работу, встречи с начальством, обед, время ухода с работы, ужин, работа в личном подсобном хозяйстве, отход ко сну, уход детей в школу, заботы об их обуви, одежде, досуге, о чем говорили, что их волновало и т.д. Тогда бы была убедительнее позиция о доминировании производственных вопросов во взаимоотношениях сельского социума с властью, а также политической сферы.

В диссертации дана всесторонняя и убедительная характеристика содержательной стороны повседневных взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг., и она не вызывает возражений. В частности, автором успешно проанализирована финансовая политика советского государства в деревне и реакция на нее колхозников, охарактеризованы каналы взаимоотношений сельских жителей и власти в области поземельных отношений, в политической сфере, в культурной и религиозной жизни, затронуты малоизученные аспекты проблемы (так называемые «черные кассы»), очень удачный раздел диссертации о сельских коммунистах и партийных органах.

В результате в диссертации убедительно показано, что сельские жители выбрали рациональную форму поведения и взаимоотношений с властью в рассматриваемый период. Большим плюсом диссертации является описание механизма взаимоотношений колхозников и рабочих совхозов с их руководством и вышестоящими представителями власти, так или иначе связанных с сельским хозяйством. Сельские жители адаптировались к действиям власти, ежедневно направленных на принуждение их к более эффективному труду в колхозах и совхозах, использовали все возможности для удовлетворения в сложившихся условиях прежде всего своих, а не государственных, интересов в тех сферах повседневной жизни, которые затронуты в диссертационном исследовании. И власть вынуждена была с этим считаться, то есть она была не всесильна, хотя и очень хотела быть таковой за счет все большей бюрократизации (с. 477–478). И это очень важно

для понимания всей аграрной политики советского государства за все годы его существования и реакции на нее советского крестьянства. Не могла быть иной эта реакция в условиях дефицита капиталовложений в сельское хозяйство и сокращением трудовых ресурсов, способных восполнить этот пробел (с. 212, 472).

Удачным и важным является концептуальный вывод автора о влиянии на повседневную жизнь сельского социума доколхозного опыта, особенно в хозяйственной сфере. Но в условиях колхозной повседневности он дополнился и новыми приобретениями, которые, как и до коллективизации были направлены на выживание сельской семьи (с. 475–476).

Одновременно с этим, как верно показано в диссертации, традиционные деревенские традиции угасали под натиском советской официальной культуры, но этот процесс не был гладким и бесконфликтным. И в диссертации это аргументировано доказано в главе 4 о религиозной жизни деревни рассматриваемого региона. В ней наибольший интерес, на наш взгляд, представляют факты о закрытии церквей в регионе, открывшихся в период оккупации врагом в годы Великой Отечественной войны (с. 441), а также о почитании местных святынь, тайных молениях на дому и т.д. (с. 458).

Именно в содержательной стороне введенного в научный оборот автором материала по взятым для исследования аспектам проблемы и сделанных на основе их всестороннего анализа концептуальных выводах в их смысловой значении – главное достижение диссертанта, в этом, несомненно, и большое историографическое значение самого диссертационного исследования И. В. Кометчикова.

Но использованный при этом понятийный аппарат не всегда понятен и корректен, в том числе в части названий глав и выводов автора. Создалось впечатление, что автор намеренно подменил устоявшиеся в историографии термины и понятия, чтобы подчеркнуть свою приверженность вышеупомянутой концепции М. А. Безнина и Т. М. Димони. Особенностью

работы является априорное принятие автором понятийного аппарата этой дискуссионной концепции. Его использование не всегда уместно и затрудняет читателю, в том числе специалистам, занимающимся аграрной истории России советского времени, понимание сути характеризуемого аспекта проблемы. В данном контексте нельзя не учитывать тот факт, что исследование по своей тематики вызовет интерес и у читателя, жившего и живущего в сельской местности, так или иначе связанного в настоящее время с сельским хозяйством. И какова будет его реакция на явно искусственное вкрапление в ряде случаев в диссертации терминологии и суждений, производящих диссонанс? При этом следует учесть, что в диссертации речь идет не о современной аграрной экономике, а о сельском хозяйстве и деревне Центрального Нечерноземья первых послевоенных десятилетий.

Вот некоторые примеры в подтверждении сказанного: «величина человеческого капитала, который сосредоточивался в сельском хозяйстве…, концентрировалась в руках социальных слоев, специализировавшихся на работе с капиталами индустриальных форм и финансовым капиталом, прежде всего — протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов» (с. 101); «Интеллектуалы», зная слабые места системы учета и отчетности, создавали возможности «разгосударствления» части ресурсов колхозно-совхозного производства как для себя, так и представителям других страт» (с. 173); «Представители рабочей аристократии широко использовали в своих интересах закрепленную за ними технику» (с. 173); «Представители протобуржуазии, опираясь на знание того, как функционирует хозяйственный механизм, на капитал своих социальных связей в слое районного и регионального политического руководства, «разгосударствляли» колхозы и совхозы» (с. 177); «Оповседневнивание» функционирования низовых советских органов и первичных парторганизаций окончательно делает их инструментами в руках сначала надпрозводственного менеджмента региона, района, а затем — и протобуржуазии деревни» (С. 472).

А вот некоторые примеры использованных в диссертации автором понятий, которые, на наш взгляд, не совсем удачные и нуждаются в разъяснении. Что конкретно имел ввиду автор используя такие выражения, как: «прогресс капитализации» в сельхозпроизводстве (с. 93), «человеческий капитал» (с. 101), «поземельные отношения в узком смысле слова» (с. 116), «отработочная повинность в колхозе» (с. 123–124), «продуктовая повинность» (с. 124), «социальный иммунитет деревни» (с. 143, 243), «удар по законной и незаконной хозяйственной активности населения за пределами государственного и общественного хозяйства (с. 160), «разгосударствление» колхозов и совхозов (с. 177), ««оповседневнивание» сферы трудовых отношений (с. 184), «внешнее и внутреннее раскрестьянивание» (с. 202), «классический колхозный период» (с. 208–209), «хронический дефицит производительных сил» (с. 210), «рутина политической власти» (с. 211, 226, 230), «субрегиональный уровень» (с. 211), «окостенение власти районного руководства» (с. 237), «оповседневнивание возраставшей председательской власти» (с. 252), «милитаризация сельсоветов» (с. 268), «оповседневнивание» радио (с. 381), «рутина огосударствленного радио» (с. 381), «легальная религиозность» (с. 441), «эффект раскрестьянивающей политики для верующих» (с. 447), «оповседневнивание» контактов власти с сельским населением на основе бюрократизации» (с. 471–472), «оповседневненный» контроль власти над сферой политической жизни (с. 474), «разжижение» повседневности в хозяйственной сфере (с. 481), «редукция социального социума» (с. 481) и т. д.

Чтобы избежать подобных критических замечаний автор мог бы посвятить анализу использованного в диссертации понятийного аппарата специальный раздел в ее тексте.

Кроме высказанных, имеются еще вопросы, к автору, отдельные замечания и пожелания. Так, например, на наш взгляд, в диссертации автор не совсем к месту использовал сравнение уровня развития сельского

хозяйства и культурного уровня сельских жителей рассматриваемого региона со странами Запада (с. 101, 106, 108, 109, 353, 381). Уместнее было бы его сравнивать с предшествующим периодом. В данном контексте вызывает вопрос, что имел ввиду автор, утверждая, что в первое послевоенное время, сельские советы «были не в состоянии в одиночку обеспечить проведение важных мероприятий, что подтвердилось в ходе «соревнования» с США по производству продуктов животноводства»? Получается, что именно сельские советы виноваты в проигранном соревновании с США по производству продуктов животноводства (с. 274).

В параграфе «Власть и производительные силы деревни» главы «Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в хозяйственной сфере» ни слова не сказано о власти, а только характеризуются с использованием авторской терминологии производительные силы.

В другом параграфе этой главы – «Власть и сельский социум в системе поземельных отношений» – утверждается, что власть предпринимала усилия по «окончательному» сворачиванию приусадебного хозяйства (с. 139). Неужели, действительно, целью аграрной политики тогда было уничтожение ЛПХ в деревне?

В параграфе «Власть и сельский социум в сфере трудовых отношений» первой главы повышенные зарплаты «рабочей аристократии» нечерноземной деревни (трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников), а также «менеджеров» (управляющих отделениями и фермами) названы привилегией (с. 151, 154–156). Но это не привилегии, а оплата труда квалифицированных специалистов за их работу, а не за их положение в «стратах». Привилегии – это, например, право дворянина не платить налоги и т.д.

Автор использует термин «сельский пролетарий» (с. 167), нарушая принцип историзма. Тогда уже использовался термин «рабочий», иначе, и в

городе были «городскиме пролетарии» как до революции, а не городской рабочий класс.

В параграфе первой главы «Финансовая политика власти и сельский социум» утверждается, что в нечерноземной деревне она в послевоенные десятилетия проводилась прежде всего «в интересах создания оружия массового поражения и новых видов военной техники» (с. 185). А иной цели разве не было? Например, кормить население страны?

В главе II «Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в политической сфере» нет должного анализа роли обкомов в управлении сельским хозяйством, все анализируется на уровне райкома и ниже.

В главе III «Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в сфере культуры» автор считает, что пробелом в историографии является не освещение «экономического значения лекционной пропаганды» (с. 329). Но и он также в тексте главы не затрагивает данный аспект.

Автор считает, что в рассматриваемый период «рутина огосударствленного радио преодолевалась слушанием зарубежных радиостанций, которое становилось все более доступным неформальным досугом» (с. 381). Неужели тогда в деревне действительно слушание «Голоса Америки» стало распространенным явлением и неформальным досугом значительного числа сельских жителей?

В заключении автор категорично заявил, что аграрная политика советского государства утверждала в аграрном строе «государственный капитализм» (с. 470). Какие конкретно его решения были направлены на достижение этой цели? Также в заключении констатируется, что «процесс регламентации хозяйственной жизни нарушался рядом инициированных властью преобразований», одним из которых было «освоение целины» (с. 471). Но в диссертации ничего не говорится на эту тему, также как и голоде

1946–1947 гг., хотя в списке использованной литературы имеется ссылка на монографию В. Ф. Зимы об этом послевоенном голоде.

Высказанные замечания в подавляющем большинстве отражают личную позицию оппонента и носят дискуссионный характер, не ставя под сомнение общую положительную оценку рассматриваемого диссертационного исследования.

Диссертация Игоря Вячеславовича Кометчикова на тему ««Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг.» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой решена научная проблема, имеющая важное социокультурное значение. Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.6.1 Отечественная история (исторические науки), а также критериям, определенным пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 Отечественная история.

Официальный оппонент –
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра экономической истории
Федерального государственного
Бюджетного учреждения науки
Институт российской истории РАН Виктор Викторович Кондрашин

2 октября 2025 г.

117292, г. Москва, Ул. Дмитрия Ульянова, 19
Телефон: +7(499) 126-94-49
E-mail: iriran@mail.ru
Web-сайт: www. iriran.ru

Начальник отдела кадров Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук